

Смирнова Елена Валерьевна

РАБЛЕЗИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В "ОЗОРНЫХ РАССКАЗАХ" О. ДЕ БАЛЬЗАКА

В статье раскрывается раблезианская традиция "Озорных рассказов" О. де Бальзака. Автор статьи утверждает, что рассматриваемое произведение – вершина преклонения писателя XIX в. перед его предшественником, демонстрируя примеры заимствований слов, выражений и образов, стилистического подражания, конкретных упоминаний о Мэтре Франсуа. Большое внимание уделено отражению раблезианской традиции в идейной составляющей произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 172-174. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821

Филологические науки

В статье раскрывается раблезианская традиция «Озорных рассказов» О. де Бальзака. Автор статьи утверждает, что рассматриваемое произведение – вершина преклонения писателя XIX в. перед его предшественником, демонстрируя примеры заимствований слов, выражений и образов, стилистического подражания, конкретных упоминаний о Мэтре Франсуа. Большое внимание уделено отражению раблезианской традиции в идейной составляющей произведения.

Ключевые слова и фразы: раблезианская традиция; пантагрюэлизм; идея; смех; народная традиция; словотворчество; перечисление; прямое подражание.

Елена Валерьевна Смирнова*Кафедра романской филологии и перевода**Магнитогорский государственный университет**helenmagnit@mail.ru***РАБЛЕЗИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В «ОЗОРНЫХ РАССКАЗАХ» О. ДЕ БАЛЬЗАКА©**

На протяжении всего творчества Оноре де Бальзак постоянно обращался к наследию своего французского предшественника, великого деятеля эпохи Возрождения Франсуа Рабле. Он, а в большей степени творчество легендарного француза, представляют интерес для ученых не только на его родине, но и за ее пределами.

Увлечение Бальзака творчеством Рабле прослеживается с начала карьеры романиста и до конца его жизни. Среди его произведений с ярко выраженной раблезианской традицией выделяют романы «Лилия в долине», «Шагреновая кожа», «Физиология брака». Своеобразной вершиной преклонения являются «Озорные рассказы», написанные в духе ренессансных новелл на старофранцузском языке, что представляет определенные трудности при чтении, а тем более и при анализе этого произведения. Выявление раблезианской традиции в «Озорных рассказах» позволит в какой-то мере раскрыть эту малоизученную сторону бальзаковского творчества.

Здесь встречаются не только прямые заимствования слов, выражений и образов, примеры стилистического подражания, конкретные упоминания о Мэтре Франсуа, но и ощущается сходное у обоих авторов отношение к действительности, полное жизнелюбия и свободы. В книге «Бальзак без маски» Пьер Сиприо пишет, что «в 1830 году (немного ранее периода создания “Озорных рассказов”) Бальзак перечитал Рабле в надежде подлечиться доброй дозой хорошего настроения, которое спасет Францию от уныния, а литературу – от “романтической ипохондрии”» [4, с. 237].

О раблезианской традиции в «Озорных рассказах» можно говорить исходя из многочисленных упоминаний самого Рабле, либо персонажей его романа. Впервые в «Озорных рассказах» Бальзак вспоминает о своем имени-том земляке уже в прологе первого десятка: «наш достойный соотечественник, вечная слава Турени» [5, р. 129]. Немного погодя он цитирует великого предшественника, перед трудами которого мы должны снять шляпу: «Итак, мои милые, развлекайтесь и телу во здравие, почкам на пользу – веселитесь, читая мою книгу. Только вот что, балбесы, чума вас возьми: смотрите не забудьте за меня выпить, а уж за мной дело не станет...» [Ibidem].

Пожалуй, самый раблезианский рассказ – это «Проповедь веселого священника из Медона». Уже из названия очевидно, кто является главным героем – сам Мэтр Франсуа. Общеизвестно, что в январе 1551 года Рабле получает место кюре в Медоне, близ Парижа, связанное с хорошими доходами. В рассказе имеются и заимствования, и игра слов, и упоминание о персонажах Алькофрибаса (Гаргантюа, Пантагрюэль, подданные короля Пикрохоля, легион папومانов и др.). Единственное, что никак не связано с Рабле, это содержательная часть. Мэтр Франсуа никогда не рассказывал подобной истории. Тем самым рассказ представляет собой оригинальный вымысел и демонстрирует писательское мастерство Бальзака. Здесь же он в очередной раз выражает свое глубокое почтение перед своим наставником, называя его «великой славой страны» [Ibidem, р. 444].

Выше были приведены примеры, скорее, прямого подражания Бальзаком Мэтра Франсуа. Тогда как наибольший интерес представляет выявление в «Озорных рассказах» отражения раблезианской традиции в идейной составляющей произведения, а также тех языковых средств, с помощью которых это достигается. Мировоззрение Рабле, его взгляды на жизнь, безудержность фантазии были близки Бальзаку. Ощущение ценности каждой минуты существования, стремление познать человека, жажда жизни, действия, знания – вот что раскрывает понятие «пантагрюэлизма», приверженцами которого были Бальзак и Рабле. Отголоски этого мы находим, в частности, в «Озорных рассказах». Не жаждой ли жизни полон бедный монашек, потративший последние монеты, чтобы предстать перед возлюбленной в достойном виде? Не стремления ли испытать настоящее чувство охватывает красавицу, отказавшуюся от обеспеченных любовников; или талантливый ювелира, способного отречься от состояния и свободы; или плутовку, осмелевшую обмануть мужа и посягнуть на семейное спокойствие? Не желание ли изменить течение жизни появляется у священнослужителя, совершившего благое деяние против воли большинства; или у простачка, который силой своего ума, тщательно скрываемого до поры до времени, обвел вокруг пальцев своих соперников?

Одной из составляющих пантагрюэлизма является смех, который раздается не только на протяжении «Озорных рассказов», но и во всем творчестве Бальзака. В прологе к первому десятку он призывает к смеху, жалеет, что человек утратил способность свободно смеяться.

Бальзаковский смех звучит главным образом при обличии какого-либо явления либо персонажа, что позволяет говорить о смехе, скорее, как орудии сатиры. К примеру, в отношении церковной братии автор использует данный прием, причем лексически наполняет его элементами церковно-религиозного характера. Монашек, столь молодой, что «надобно наставлять его на путь истинный» [1, с. 10], находится в поисках любовных приключений. При встрече с красавицей теряет дар речи и в свой адрес слышит: «еще один обет целомудрия полинял от любовного жара!» [Там же]. Вызывает смех, то, как Бальзак описывает вхождение супруга в ряды рогоносцев. От случая, представленного в рассказе «Невольный грех», «на голове у почтенного мужа стало появляться некое изящное и нежное украшение, которое со временем вырастает в рога, не причиняя носителю их ни малейшего беспокойства» [Там же, с. 50].

С идеей о безграничной жизнерадостности связана напрямую и идея о реабилитации плоти и о свободном проявлении естественного человеческого начала. Призыв к телесным радостям, к различного рода наслаждениям звучит в романе Рабле и уже по понятным причинам эхом раздается в «Озорных рассказах». Человек, будучи творением природы, не должен ограничивать себя в каких-то естественных проявлениях, будь то утоление жажды, голода, выбор своей пары и т.д. В этом отношении показательным является использование в рассказах мотива любовного треугольника, когда женщина вступает в брак не по своей воли и вскоре, согласно своим естественным порывам, выбирает сама себе мужчину, тем самым становится неверной своему супругу, но верной своей природе.

Необходимо отметить еще одну раблезианскую идею, отражение которой мы находим в «Озорных рассказах», а именно необходимость связи с народной традицией. При создании романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Мэтр Франсуа постоянно обращается к фольклору, что объясняется самим характером французского гуманизма, носителем которого был именно народ. Рабле проявлял интерес к национальной литературе и к проблемам национального. Именно во французской литературе он нашел нужные ему сюжеты и образы, способные выразить ключевые гуманистические идеи, именно возможности французского языка позволили осуществить задуманное. Спустя три века Бальзак для написания своих рассказов обращается к традициям национальной литературы XVI века, по его мнению, «великой, яркой, гениальной» [5, р. 50], выделяя наследие Вервиля, Наваррской, но в большей степени Рабле.

Бальзак провел огромную исследовательскую работу по поиску нужных слов, архаизмов, которые, по его мнению, были несправедливо забыты. Доказательством тому служат абзацы, а иногда и целые страницы «Озорных рассказов», посвященные анализу того или иного слова или выражения. Например, в рассказе «Ведьма» Бальзак разбирается в этимологии названия одной из улиц г. Тура – «Горячей». Автор увлеченно пытается найти объяснение, которое, вдобавок, становится вступлением к его повествованию, что является интересной композиционной находкой. В рассказе «Наследник дьявола» есть толкование устаревшего слова «caudicile», которое использовалось в конце завещаний и обозначало «хвост». Ни одно слово, будучи кирпичиком, основой основ писателя, не могло оставить его равнодушным. Для придания своим рассказам духа старины, он долго и упорно работал, исправляя их много раз, пытаясь перестраивать фразы, используя для этого язык XVI века. Возможно, поэтому написание «Озорных рассказов» растянулось на несколько лет. По той же причине, вероятно, не удалось их создать сотню, как планировалось изначально. К моменту написания Бальзак владел значительным запасом слов, фраз, цитат, которые очень ценил за их выразительность. Он считал, что в своем произведении благодаря таким средствам сможет воскресить былую живость и сочность французского языка. Именно по этой причине «автор сей книги с великим рвением изучает древности» [1, с. 104].

В XV-XVI вв. среди великих писателей игра букв, так называемая анаграмма, была очень популярна. Известно, что больших успехов в этом добился Франсуа Рабле. В качестве известного примера назовем его псевдоним «Алькофрибас Назье». Кроме того, он мастерски владел словарным запасом. Для его художественного стиля характерно было словотворчество, роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» был буквально переполнен различного рода неологизмами, паронимами, составными словами, словами-монстрами и т.д. По словам В. А. Лукова, «потоки, казалось бы, бесполезных слов отражают на самом деле освобождение речи от сковывающего ее контроля, раскованность языковой стихии» [2, с. 111]. Именно в них отражается безграничная жизнерадостность Рабле. Бальзак по примеру своего учителя склоняется к словотворчеству, прибегает к игре слов. Это становится очевидным из строк, посвященных «самому миленькому монашку на свете, который когда-либо монашничал, монашил, монашулил» [1, с. 21], супруге сенешала, которая «в сущности неплохо осенешалена» [Там же, с. 30], пригвожденной ревнивцем служанке, которая «вскоре отгвоздилась» [Там же, с. 81] и др.

Знаменит Рабле и своими масштабными перечислениями, которые, как правило, далеки от серьезности, и строятся на разрушении реального ряда предметов путем их смешения с предметами фантастическими и комическими. К примеру, перечисление игр, в которые играл маленький Гаргантюа, исчисляются сотнями. Замечим, что Бальзак также достаточно часто прибегает к этому приему. Подобного рода перечисления мы встречаем на страницах «Озорных рассказов», описывающих рутину монахинь из Пуасси, обязанности влюбленного, жаждающего похвалиться избраницей, его возможные роли, исполнив которые он добьется своего, и др.

В прологе к «Гаргантюа» Рабле рекомендовал читателю путем внимательного чтения и усиленного размышления «разгрызть кость и высосать оттуда мозговую субстанцию» [3, с. 22-23] его романа, то есть прийти к определенной истине. На первый взгляд «Озорные рассказы» - это истории для развлечения и смеха,

что подтверждает их забавный тон и озорной стиль. Тем не менее, даже самое веселое повествование заставляет нас задуматься. Не говоря уже о рассказах с грустной концовкой, которые предполагают поиск определенной истины, поиск ответа на вопрос, можно ли было избежать несчастья или нет. Бальзак в рассказе «Жена коннетабля» отмечает, что «в книге сей мы должны, следуя правилам великих писателей древности, не только позабавить людей, но и дать им нечто полезное, преподать поучение тонкого вкуса» [1, с. 92]. Но он не отрицает развлекательного характера своего произведения и в «Тулузской девственнице» добавляет: «“Озорные рассказы” написаны скорее для того, чтобы искать мораль в удовольствии, чем получать удовольствие из выражения морали» [5, р. 262]. Бальзак приходит на помощь читателям в поисках «мозговой субстанции» своего труда, направляет их, прибегая к многочисленным моральным сентенциям.

При создании «Озорных рассказов» Бальзак активно использует наследие своих великих предшественников, в частности, следует традиции Рабле, постоянно вспоминая о своем земляке, наполняя свое произведение идеями, равно как и средствами, характерными писательской манере Мэтра Франсуа. Таким образом, выявление раблезианской традиции позволило исследовать с этой стороны «Озорные рассказы», не входящие в «Человеческую комедию», тем не менее, представляющие определенный этап бальзаковского творчества.

Список литературы

1. Бальзак О. де. Собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1955. Т. 14.
2. Луков В. А. История литературы: зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 512 с.
3. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1991. 766 с.
4. Сиприо П. Бальзак без маски. М.: Молодая гвардия, 2003. 503 с.
5. Balzac H. Oeuvres complètes de Honoré de Balzac. P.: Conard, 1930. V. 36. 472 p.

RABELAISIAN TRADITION IN “DROLL STORIES” BY H. DE BALZAC

Elena Valer'evna Smirnova

Department of Romance Philology and Translation
Magnitogorsk State University
helenmagnit@mail.ru

The author reveals the Rabelaisian tradition in “Droll Stories” by H. de Balzac, asserts that the work under consideration is the top of the predecessor worship of the writer of the XIXth century demonstrating the examples of words borrowings, expressions and images, stylistic imitation, the specific mention of Master Francois, and pays special attention to the reflection of the Rabelaisian tradition in the ideological component of the work.

Key words and phrases: Rabelaisian tradition; Pantagruelism; idea; laughter; folk tradition; word creation; enumeration; direct imitation.

УДК 81

Филологические науки

В статье выявляется содержательная структура концептуальных полей «Свой» и «Чужой», исходя из анализа средств языковой репрезентации концептов «Свой – Чужой» в рукописном документе «Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг.» тверского купца Михаила Тюльпина. Определение содержания и объема концептуальных полей «Свой» и «Чужой» в сознании купца Михаила Тюльпина помогает выделить особенности индивидуально-авторского осмысления ключевых понятий русской языковой и культурной картины мира рубежа XVIII-XIX веков.

Ключевые слова и фразы: концептосфера; концептуальное поле; концепт; «свой»; «чужой»; языковая личность; картина мира.

Евгения Николаевна Смирнова

Кафедра русского языка
Тверской государственной университет
16fevral@list.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ ТВЕРСКОГО КУПЦА МИХАИЛА ТЮЛЬПИНА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЛЕТОПИСИ О СОБЫТИЯХ В ТВЕРИ 1762-1823 ГГ.»)©

Концептосфера рукописного документа «Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг.» купца Михаила Тюльпина [1, д. 1135] состоит из ряда взаимообусловленных концептов. Определение содержания концептов